

вого от стыда рассвета из окна Светино дома кто-то вывалился в нижнем белье и заполз за сарай. Она хотела кинуться к Ивану, расспросить про Сашу, но Света уже повисла на шее мужа, закрывая поцелуями глаза и причитая:

— Вернулся, живёхонкий, единственный мой, соколик ясноглазенький, судьбинюшка, кровинушка, счастьешко ненаглядное!

Голосила так, что ошеломлённые собаки смолкли. И, не дав опомниться мужу, затолкала в дом.

— Сначала я, я нагляжусь, намилиуюсь на кисоньку свою, на зайнку, а потом и толпой пусть спрашивают. Сначала я! Я! Я!

Не удалось Анне поговорить с Иваном и днём. Он постоянно избегал её, стараясь занять себя срочными делами или разговорами с сельчанами. Не получилось и вечером, когда праздновали возвращение и пели грустные фронтовые песни. Только утром, когда Анна встала по привычке с первыми полураскрытыми лепестками рассвета, у калитки встретила соседа. В одной руке Иван держал кiset с табаком, в другой помятое письмо, сложенное треугольником. Увидев Анну, брезгливо ухмыльнулся.

— Значит, правильно Светланушка ба-лакает, что ты раньше солнца встаёшь. Есть кого выпроваживать... Знаешь, соседка-салфетка, не хотел себе вчера праздник портить. В общем, это тебе от муженька. Сам просил передать, лично.

Иван протянул треугольник Анне и презрительно отвернулся.

— Так он жив? Ваня, жив? Что же ты молчал, Ваня! Сашенька жив? — выдохнула Анна.

Иван изумлённо взглянул на неё, насупился.

— А что ему делается, если он тебе об этом сообщал после каждой атаки. Да и я в своих письмах про него извещать не забывал. Спрашивал Светлану, отчего молчишь!

— Как это после атаки? Как это сообщал? Как это спрашивал? Да мне с сорок четвёртого от него ни одной строчки, ни одной... А твоя ни словом, ни взглядом. Говорила, нет ничего, нет! Погиб, наверно! Ни от тебя, ни

от Сашеньки! Совсем нет! Да мы с Машенькой каждый вечер к поселковому тракту...

Иван презрительно плюнул себе под ноги.

— Ладно, брешу любому, да только не седому. Знаем твои заботы, тошнит до икоты, нашлись люди добрые — рассказали. А Сашка как прочитал про твои шашни, эх... Да он чернее бомбы стал! Ты бы видела, как он на фашиста кидался, всё смерти искал. А ты здесь под кого попал... Шалава. Молчи и не... Дочки бы постеснялась — в дом водить, большая уже, всё понимает, эх... шлюня из... Он там за тебя жизнью... он там за вас с Машей кровью... а ты здесь... зараза постыдная. В общем, так, Сашка сказал, что в село не вернётся, нет у него больше дома и жены больше нет. Поняла, блудня?!

Иван ещё раз плюнул, теперь в ноги Анне, и ушёл в дом. Анна знобящимися руками раскрыла письмо, прочитала несколько строк и со стоном опустилась на порог. Она не понимала, что происходит, происходило, произошло. Саша, её единственный Саша, живой! Не убитый, не раненый, живой. И не вернётся. Из-за чего? Опустошённая неожиданной вестью, Анна прижалась к стене дома и зарыдала. Она ничего не видела, кроме багрового зарева, жгущего небо и губы. Не видела, как соседка, выглянув в окно, надменно вскинула голову, поправила причёску и, хихикнув, отвернулась. Не слышала, как Машенька осторожно подошла к матери и взяла письмо.

Рассветы в степи долгие!

Анна очнулась, когда солнце, словно тоже прочитав колючие строки, терпеливо пыталось отогреть дрожащую женщину, а плачущая Машенька, схватив вилы, выскочила на улицу. Дети в войну взрослеют рано. Да и судьбой опалены не меньше старших. Даже ветер испуганно юркнул в крону вяза, увидев, как в карих глазах девочки заматалось рдяное пламя восхода, как она подняла вилы и метнула копьём в дверь соседей, но промахнулась, и в утреннюю тишину вначале обрушился визг разбитого стекла, а затем стон рухнувшей рамы. Иван выскочил на порог в свежестранной гимнастёрке, на которой, словно следы от вил, зияли дырочки от

свинченных орденов. Увидев Машеньку, потянулся к лопате у крыльца, выругался, но опустил руки.

— Ты чего творишь, малявка? По солдатскому ремню соскучилась?!

— Я всё слышала! Пусть твоя блудня папины письма вернёт и мои с мамой тоже! — закричала, сжимая кулачки, Машенька.

— Ты о чём мелешь! Какие письма? Да как ты смеешь, соплюшка, на старших!

— Смею! Я не меньше взрослых папу ждала! А не вернёт письма, я ваш дом спалю, а её вилами...

— Всё, баста! Угрозы в сторону, а то своим ором всю деревню соберёшь под разбитыми окнами.

Иван поднял руку к небу, опасно подошёл к Марье, достал кiset, кресало. Правая щека его подёргивалась, левая застыла в недоумённой ухмылке.

— Ты хоть понимаешь, что несёшь! Ты хоть знаешь, кто такая блудня? Ты...

— Знаю! Сама видела, как из вашего забора, вон из той дыры мужики вылазили всякие блудливые, всегда под утро, как тараканы. Сама слышала, как тётя Света маме говорила, что писем нет ни от папы, ни от вас. Убили, говорила, обоих, наверно...

Ивана будто наизнанку вывернули, вздрогнул, блее коры берёзовой стал.

— К... какие мужики? Из... откуда? Кого убили? Как убили? Нас? Меня?

Машенька решительно подошла к забору и отодвинула несколько прибитых только сверху штакетин.

— Понятно?! Отсюда!

Иван растерянно повис на калитке.

— Понятно. Чтобы с улицы не было видно, кто уходит. Ловкое место придумано. Понятно... понятно... как убивали... кого... меня...

Света, наблюдая за тем, что назревало во дворе, торопливо выскочила из дома и присела перед мужем, заглядывая ему в глаза и хватая за руки.

— Ванечка, кого ты слушаешь! Ванечка, ты посмотри на неё, от горшка два вершка, вся в мать — пройдоха. Всю войну в пекарне, возле хлеба, сытая, голодного дня не видела, не то что я — чуть не с котомкой по миру... Да для таких человека обречь —

что собакам... Ваня, Ваня... не надо, Ваня, не полыхай, Ванечка... Уймись, Ваня! Ва...

— Принеси письма Сашкины! Куда спрятала? Дети не врут, не врут дети, вилами швыряясь! Неси!

— Не было ничего, Ваня, не было! Видно, затерялся в пути, так случается, случается! Чем хочешь клянусь, побожусь — не было!

— Как не было?! В одних окопах их с Сашкой писали, одним карандашом, я тебе, а он — Анне. И я в своих письмах про Аньку спрашивал, почему молчит, а ты чего отвечала: не до мужа ей, другие на уме, молоденьких убажует! Из-за буханки хлеба в очереди к ней стоят, звёзды от стыда прячутся, глядя, что она с молоденькими вытворяет.

— Ванечка, котёнка, пойдём в дом, я тебе всё как на духу... Ванечка, люди-то уже, смотри, на вашу грызню собираются, зачем нам глупая молва по селу...

Действительно, привлечённые звоном разбитого стекла, хорovým рёвом собак и Машенькиным криком, к дому Ивана подошли несколько стариков и женщин. Он молча оглядел толпу у забора, поднялся, достал из расколотого окна вилы, вернулся к девочке.

— Держи! И вот что, малая, привыкай словами обходиться. Отвыкай от злобы, отвыкай от вил, война закончилась. Для всех, и для тебя тоже. А ежели правду сказала, то воротится твой отец, воротится. Сам найду и приведу. И расскажу, как было. Так и передай мамке. Так и передай! Машенька вернулась к матери. Анна обняла дочь и, вытирая слёзы, улыбаясь, зашептала:

— А я уж за мотыгой сбегала, думала, он на тебя в драку кинется. Успокойся, Машенька, не плачь, успокойся! Ты думаешь, у нас горе? Нет, нет! Сегодня самый счастливый день, Машенька, да, самый счастливый! Я не сошла с ума, доченька. Я теперь знаю главное — наш папа жив! Жив, доченька. И мы его найдём, родненького! Найдём!

Анна улыбалась, но слёзы застилали её глаза радужной пеленой.

Рассветы в степи долгие! Долгие в степи рассветы! Долгие!

На той войне незначимой

Книга «Пасха под Гудермесом», выпущенная издательством «Вече» в серии «Военные мемуары», — рассказы и очерки военного корреспондента Виталия Носкова, участника боевых действий в Чечне и Дагестане в 1995–2000 гг. Это документальные свидетельства писателя

С началом боевых действий в Чечне в 1995 году Виталий Носков пришёл на работу в газету «Щит и меч» МВД России. Подолгу находился в Чечне и Дагестане, участвовал в операциях Специальных отрядов быстрого реагирования Главного управления по борьбе с организованной преступностью, а когда возвращался Москву, печатал очерки и рассказы о боевых товарищах. Работа Виталия Носкова на войне отмечена Всероссийской литературной премией «Сталинград», двумя премиями МВД России в области литературы, орденом Мужества.

Читать книгу тяжело. Буквально каждая страница сочится кровью и болью. И всё же читать эту книгу надо, поборов в себе ненависть, которая то и дело закипает от прочитанного, от того, что творили бандиты. Но важнее другое. Сквозь все тяжкие сцены войны ясно и чисто звучит авторская гордость за русского солдата, исполняющего свой долг до конца.

В предисловии Носков пишет: «Россия часто воюет, потому что после каждой новой войны власть имущие стремятся быстро забыть её. Утожат память о ней, словно танковыми гусеницами. Задача литературы — не забывать, напоминать, что главное в нашей жизни — любовь. Пройдя через войну это особенно знаешь». Автор ценит каждую деталь виденного, он скуп

на описания, сдержан, язык книги порой напоминает рапорт с места сражений.

Как порой горько звучат размышления писателя о стране, о её воинах. «Трагическая страна Россия. Её всё время заставляют относиться к своим солдатам и офицерам только как к боевым патронам. Выстрел! И гильза в сторону... В Чечне нельзя воевать вполсилы, там русское "авось" не пройдёт. Войну вполнакала презирают даже боевики. В ходу тактика и приёмы, наработанные в Афганистане и других воюющих странах. По плану с государственным гербом России войны якобы уже нет, а самом деле... И разве партизанская война — не война? И не требует сверхвзаимодействия всех родов войск и спецслужб?»

Вопросы, вопросы...

Но вот рассказ «Взрыв на Терекке». Главный герой — тринадцатилетний парнишка Захарка Руднев волею злых обстоятельств оставшийся в Чечне после ухода российских войск с матерью — красавицей, ставшей наложницей состоятельного чеченца. Отца убили ещё до войны. В России у Захарки и его матери никого из близких не было. Захарка любил мать, но про себя не мог не называть её «рабыней». Учиться было негде, он проводил время на улице, часто вступая в свирепые драки с местными пацанами. В доме был большой под-

вал, где хозяин держал оружие, боеприпасы, взрывчатку.

В одну из ночей в доме появились люди, одетые во всё чёрное, они не шумели, как другие, не кричали «Аллах Акбар!». За версту веяло от них смертью. Было их, по подсчёту Захарки, двадцать два. От матери он узнал, что это диверсанты Хаттаба, которые ночью уйдут за Терек убивать милиционеров на блокпостах.

Примечательно, что автор вкладывает в мысли мальчика характеристику профессиональных убийц. «Живя на войне, Захарка давно разобрался, что ветераны боевых действий спокойны, на отдыхе мечтательны, в сражении опасны, как бритва. Сея вокруг себя смерть и разрушение, каждый стоит десятилетиями».

Дальнейшее произошло довольно быстро. Вся короткая жизнь промелькнула перед мысленным взором Захарки. Он тенью проник в подвал, открыл ящики с гранатами Ф-1 и РГД-5 — он умел с ними обращаться...

А заканчивается рассказ так. «На млицейских вышках в квадрате "Х" был отмечен за Терекком большой силы взрыв, осветивший ночное небо. В сводках разве-

дывательных служб об этом факте долго ничего конкретного не сообщалось...

Авторский охват действовавших в Чечне людей весьма обширен. Он пишет о православном священнике, который не только не дрогнул перед озверелой бандой боевиков, но и не стал сотрудником и российской спецслужбы, неся свой крест до конца. Он рассказывает и о том, как в конце марта 1996 года в «Чёрном тюльпане» летел в Ростов-на-Дону, сопровождая в «Центр погибших» останки героев своих очерков — офицеров спецназа... Тяжолая книга, но необходимая.

